

В. А. Баранова

Региональная идентичность крымских татар
сквозь призму этничности

Баранова Валерия Александровна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Белоруссии, Украины и Молдавии, научный сотрудник, baranovavaleron@gmail.com

Региональная идентичность играет важную роль в процессе самоидентификации населения Крымского полуострова. Три четверти его жителей называют себя «крымчанами», однако у разных этносов идентичность, основанная на месте проживания, занимает неодинаковое место в иерархии идентичностей. В данном исследовании рассмотрены проблемы актуализации региональной идентичности крымско-татарского населения. Автор приходит к выводу, что самоидентификация крымских татар по региону проживания в значительной степени коррелирует с их этнической идентичностью и служит одним из способов проявления этничности.

Ключевые слова: региональная идентичность, этничность, этническая идентичность, крымские татары, Крым.

Понятия «*этническая идентичность*», «*гражданская идентичность*», «*региональная идентичность*» и др. в западной научной традиции разрабатываются достаточно давно. В советской этнологии центральное место отводилось понятию «*национальное / этническое самосознание*», которое первым употребил П. И. Кушнер. Ю. В. Бромлей расширил данный термин и выделил такие структурные элементы «национального / этнического самосознания», как представления об общем языке, культуре, истории, территории, «типичных чертах», которые дополняются осознанием государственной общности, религиозным и классовым сознанием, а также эмоциональным отношением к этнической действительности¹. Термин «*этническая идентичность*» советскими этнографами не употреблялся, соответственно понятие «*региональная идентичность*» также не было введено в научный оборот. Тем не менее, уже упомянутый ранее П. И. Кушнер опубликовал в 1951 г. монографию «*Этнические территории и этнические границы*»², в которой говорится, что в ре-

зультате формирования этнических территорий население начинает самоотождествлять себя с территорией проживания, складывается образ «родной земли»³.

В 1990-е гг. в российской этнологии и социологии утвердился термин «*этническая идентичность*», сменивший понятие «*этническое самосознание*»⁴. В этот же период исследователи обратились к изучению региональной идентичности. Наиболее значительные отечественные работы, посвященные проблеме идентичности, в том числе региональной, принадлежат перу таких исследователей как М. Н. Губогло, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов, Б. Е. Винер⁵. Актуальность этой проблематики сохраняется и по сей день как в России, так и за рубежом. Тем не менее однозначного определения понятия «*региональная идентичность*» не выработано. Одни исследователи толкуют данный термин с примордиалистских позиций, другие с конструктивистских. В данном докладе под региональной идентичностью понимается самоидентификация этносов с определенным регионом, то есть самоидентификация крымских татар с Крымским полуостровом. Хронологическими рамками исследования является период со второй половины XX в. по настоящее время.

18 мая 1944 г. крымско-татарское население подверглось депортации в другие регионы Советского союза, главным образом в Среднюю Азию. В течение нескольких десятилетий представители данного этноса были оторваны от Крымского полуострова – региона, который они считают своей «родной землей». После снятия режима спецпоселений в 1956 г. наиболее активные представители крымских татар начинают бороться за право возвращения в Крым, правда, добиться желаемого удалось лишь на излете существования СССР, в конце 1980-х гг.

Как минимум два поколения крымских татар родились вне Крыма, и их представления об этом регионе складывались на основе рассказов родителей, бабушек и дедушек, подвергшихся принудительному переселению. Тем не менее, в конце 1980-х – 1990-е гг. подавляющее большинство крымско-татарского населения предпочло репатриироваться на свою историческую родину. В ходе полевой научно-исследовательской работы, проведенной в августе 2017 г. и в июле 2019 г., на вопрос: «Почему Вы решили переселиться в Крым?» – многие информанты отвечали, что желание вернуться было велико, поскольку Крымский полуостров их родина и земля их предков. «В Крым вернулись, потому что очень сильное было желание вернуться»; «Крым – это же родина»; «Но у нас первое стремление – попасть на родину. Наше стремление, наших родителей, наших бабушек и дедушек, которые отсюда ушли»; «Хоть тысячу лет живи, мы в Узбекистане будем гостями». Лишь одна информантка

высказала сожаление по поводу переезда в Крым: «Мы продали все. Ну, видишь, наплыв сюда пошел, и все стали, как лед тронулся, все стали друг за дружку. У кого мама уехала, у кого дочка уехала, у кого сын уехал, и вот так вот хочешь не хочешь все тронулись. Жили бы и жили <нахрен>, и нечего... очень было хорошо. Мы в городе, в центре жили. Такой большой город Самарканд, Симферополь по сравнению маленький. – А вы сами не хотели сюда уезжать? – Ну как сказать... раз муж едет, и я еду. Свекровь уехала, и мы едем. Куда денешься? Хочешь не хочешь едешь. А там работали, конечно»⁶.

В качестве еще одной причины, побудившей крымских татар покинуть страны Средней Азии и вернуться в Крым, некоторые информанты называли обострение межнациональных отношений. «В Крым переехали, потому что в Узбекистане говорили, что, вот, такая-то мол уехала, а вы когда поедете?»; «Мы же в Узбекистане когда жили, там и русские были – многонациональная страна. Там тоже поднялся национализм в 1990-е гг. это дало о себе знать. Люди разъехались. Но у нас первое стремление – попасть на родину»⁷.

Конечно, возникновение межэтнических конфликтов в Средней Азии повлияло на процесс репатриации крымско-татарского населения. Однако главную роль в желании переселиться сыграло восприятие Крымского полуострова в качестве «родной земли». Несмотря на тот факт, что значительная часть крымско-татарских репатриантов родилась вне Крыма, представители данного этноса продолжали воспринимать себя прежде всего как коренных жителей полуострова. Воспоминания о далекой родине передавались из поколения в поколение, что способствовало сохранению региональной идентификации с Крымом и препятствовало возникновению устойчивых связей с регионом проживания.

В настоящее время крымско-татарский этнос является третьим по численности в Крыму после русского и украинского населения. Региональная идентичность играет важную роль в процессе самоидентификации русского, украинского и крымско-татарского этносов. Три четверти жителей Крымского полуострова называют себя «крымчанами»⁸, однако региональная идентичность русских, украинцев и крымских татар занимает различное место в иерархии идентичностей. Так, среди русского и украинского населения гражданская идентичность преобладает над региональной и этнической, в то время как для крымских татар, наоборот, большее значение имеет региональная и этническая идентичности. Согласно результатам этносоциологических исследований, проводимых в 2014 г., для 47,8% опрошенных представителей русского этноса, 46,7% украинцев и 19,5% крымских татар более значимо идентифицировать себя как граждан страны; 3,8% русских, 14,6% украинцев и 20,1%

крымских татар определили себя как представителей отдельной национальности; 42,0% русских, 31,4% украинцев и 54,4% крымских татар идентифицируют себя как жителей Крыма (крымчан)⁹. Исследования 2016 г. показали, что для 54% опрошенных русских приоритетна гражданская идентичность, региональная идентичность значима для 38%, этническая идентичность для 2%. Среди украинцев гражданская идентичность важнее для 44% опрошенных, региональная идентичность для 38%, этническая идентичность для 10%. Представители крымско-татарского этноса на первое место поставили региональную идентичность – 50% опрошенных, на втором месте – этническая идентичность (25%), на третьем – гражданская идентичность (10%). Три четверти опрошенных крымских татар указали, что их единственной родиной является Крымский полуостров, среди русских и украинцев данного мнения придерживается лишь треть, причем среди русских и украинцев больше местных уроженцев, чем среди крымских татар¹⁰.

Почему же, исходя из результатов этносоциологических исследований, региональная идентичность крымских татар занимает более приоритетное место в иерархии идентичностей нежели этническая? И насколько региональная идентичность коррелирует с этнической идентичностью? Исследователи В. И. Мукомель и С. Р. Хайкин считают, что *qırımlar* «региональная идентичность органически связана с национальной отчасти и оттого, что в названии национальности региональная привязка уже присутствует: *qırımtatarlar* (дословно «крымтатарь») и (дословно «крымць»)»¹¹. По мнению авторов, связь региональной и этнической идентичностей основывается на презентации крымскими татарами себя как уникального этноса и презентации Крыма как своей единственной родины¹². Другой исследователь Р. А. Старченко также отметил, что «региональные идентичности крымско-татарского населения подпитываются, и, по-видимому, усиливаются обостренным чувством их этнической принадлежности»¹³. В процессе интервьюирования информанты нередко подчеркивали свою региональную привязку именно к Крымскому полуострову. «Некоторые говорят, что родина крымских татар там (в Узбекистане. – В.Б.). Крым – родина предков. Грек депортированный, говорят. Но у греков есть Греция, для армян есть Армения, а я крымский. Где мое?»; «Дети здесь родились, внуки наши здесь, так что... это наша родина. Мы на родине»¹⁴.

Стоит отметить, что определенную роль в актуализации региональной идентичности крымско-татарского населения сыграл Меджлис, который в течение долгого времени пытался добиться для крымских татар статуса «коренного народа» Крымского полуострова. Кроме того, в «Декларации о национальном суверенитете

крымскотатарского народа» прописано, что «Крым является национальной территорией крымскотатарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение так, как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом»¹⁵. Таким образом, региональная идентичность до 2014 г. служила своего рода «инструментом» для выражения крымскими татарами своей политической позиции. Впрочем, уже упомянутые В. И. Мукомель и С. Р. Хайкин пришли к выводу, что после событий весны 2014 г. в среде крымских татар региональная идентичность замещается конфессиональной¹⁶. Однако, чтобы более подробно разобраться в этом вопросе и доказать или опровергнуть данную точку зрения, необходимо провести дополнительные исследования.

Наглядным примером тесной корреляции региональной идентичности и этничности, имеющим материальное воплощение, является популярность предметов одежды и аксессуаров с надписями: «Qırım» («Крым», «крымский»), «qirimli» («житель Крыма», «крымский татарин»), «100% qirimli» («100% крымский татарин»), «millet, vatan, qırım» («нация, родина, Крым») и некоторыми другими¹⁷. Например, в магазине «Nazine»¹⁸ можно приобрести шапочки, кепки, футболки, детские боди и кружки с подобными надписями. В ассортименте товаров арт-центра «Fes»¹⁹ также встречаются вещи с надписями, подчеркивающими самоотождествление крымских татар с Крымским полуостровом. Здесь помимо мужских футболок и кепок можно купить авторамки с надписью: «qirimli» и ароматизаторы с лозунгом «Millet! Vatan! Qırım!». В книжном магазине «Terciman»²⁰ продаются детские боди, на которых крупными буквами выведено: «qirimtatar qizi» («крымско-татарская девочка») и «qirimtatar balasi» («крымско-татарский младенец»).

Подводя итог, можно сказать, что несмотря на длительное время, в течение которого крымско-татарское население вынуждено было проживать вне своей «исторической родины», и тот факт, что как минимум два поколения крымских татар родились вне Крыма, данной этнической общности удалось сохранить свою региональную идентификацию с Крымским полуостровом. Именно восприятие Крыма в качестве родины предков послужило главным стимулом к начавшейся в конце 1980-х гг. репатриации. После возвращения в Крым региональная идентичность для крымских татар стала своего рода «инструментом», с помощью которого представители данного этноса пытались заявить о своих политических и гражданских правах.

В настоящее время для крымско-татарского населения региональная и этническая идентичность сохраняет свою значимость в отличие от русских и украинцев, для которых более приоритетна гражданская идентичность. Во многом важность региональной

идентичности обусловлена самим этнонимом «крымские татары», в котором уже заложено региональное самоотождествление. Кроме того, свою роль сыграла и память об историческом прошлом данного этноса. Корреляция региональной идентичности и этничности наиболее ярко проявляется в распространении предметов одежды и аксессуаров с надписями, подчеркивающими принадлежность к Крыму. Таким образом, можно констатировать, что региональная идентичность крымских татар в значительной степени коррелирует с этнической и служит одним из способов проявления этничности.

¹ Гражданская, этническая, региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижеева. М., 2013. С. 17–18.

² Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.

³ Указ. соч. С. 6.

⁴ Гражданская, этническая, региональная идентичность... С. 18.

⁵ Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003; Арутюнян Ю. В., Дробижеева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М., 1999; Винер Б. Е. Этническая идентичность у крупнейших меньшинств современного Санкт-Петербурга/Мир России. 1999. № 1–2. С. 227–280.

⁶ Полевые материалы автора (далее – ПМА), 2019 г., с. Малиновка Бахчисарайского р-на Республики Крым; Архив кафедры антропологии и этнографии СПбГУ (далее – АКАЭ СПбГУ), ПМА, 2017 г., с. Трудолюбовка, Бахчисарайский р-н Республики Крым, Л. 27 об.; ПМА, 2017 г., с. Прохладное, Бахчисарайский р-н Республики Крым, Л. 33; ПМА, 2017 г., с. Малиновка, Бахчисарайский р-н Республики Крым, Л. 41 об.; ПМА, 2019 г., с. Малиновка Бахчисарайского р-на Республики Крым.

⁷ АКАЭ СПбГУ, ПМА, 2017 г., с. Прохладное, Бахчисарайский р-н Республики Крым, Л. 8 об.; ПМА, 2017 г., с. Прохладное, Бахчисарайский р-н Республики Крым, Л. 33.

⁸ Старченко Р. А. Языковая жизнь и этнополитические ориентации крымчан (2013–2014 гг.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Москва, 2015. С. 30.

⁹ Указ. соч. С. 31.

¹⁰ Старченко Р. А., Степанов В. В. Языковая ситуация и межэтнические отношения в Крыму//Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов (Ред. В. Ю. Зорин, Р. А. Старченко, В. В. Степанов). М., 2017. С. 118.

¹¹ Мукомель В. И., Хайкин С. Р. Крымские татары после «Крымской весны»: трансформация идентичностей//Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 62.

¹² Указ. соч. С. 63.

¹³ Старченко Р. А. Особенности речевого поведения и региональная идентичность населения Крыма. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

osobnosti-rechevogo-povedeniya-i-regionalnaya-identichnost-naseleniya-kruma С. 111. (дата обращения: 11.09.2020).

¹⁴ АКАЭ СПбГУ, ПМА, 2017 г., с. Малиновка, Бахчисарайский р-н Республики Крым, Л. 40; ПМА, 2019 г., с. Скалистое Бахчисарайского р-на Республики Крым.

¹⁵ Декларация о национальном суверенитете крымскотатарского народа. URL: <http://www.qrim.ru/about/docs/QirimIndependence/>. (дата обращения: 11.09.2020).

¹⁶ Мукомель В. И., Хайкин С. Р. Крымские татары после «Крымской весны»... С. 68.

¹⁷ Перевод слов с крымско-татарского дан по словарю «Крымскотатарско-русский словарь (латиница)». URL: <https://classes.ru/all-crtatar/dictionary-crtatar-russian-lat.htm>. (дата обращения: 11.09.2020).

¹⁸ Магазин «Хазине» – «Hazine» tükânı. URL: <https://vk.com/qirimhazine>. (дата обращения: 11.09.2020).

¹⁹ Арт-центр «Fes». URL: <http://fes-market.com/index.php>. (дата обращения: 11.09.2020).

²⁰ Книжный Магазин «Терджиман» URL: <https://www.facebook.com/tercimankitapevi/>. (дата обращения: 11.09.2020).

UDC 316; 454.2

V. A. Baranova

Regional Identity of the Crimean Tatars through the Prism of Ethnicity

Baranova Valeria Aleksandrovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Belarus, Ukraine and Moldova, research fellow, baranovavaleron@gmail.com

Regional identity plays an important role in the process of self-identification of the Crimean Peninsula population. Three-quarters of its inhabitants call themselves “Crimeans,” however, among different ethnic groups, identity based on place of residence occupies a different place in the hierarchy of identities. This study examines the problems of updating the regional identity of the Crimean Tatar population. The author comes to the conclusion that self-identification of Crimean Tatars by region of residence is largely correlated with their ethnic identity and serves as one of the ways of manifesting ethnicity.

Key words: regional identity, ethnicity, ethnic identity, the Crimean Tatars, Crimea.